

Вероника Никифорова

Соломенские мастерские: неизвестная инициатива М. Ф. Якунчиковой по поддержке кустарных промыслов

Комплексное исследование Соломенских мастерских, действовавших под покровительством Марии Федоровны Якунчиковой с 1891 по 1917 год, имеет целью переосмыслить их значение в контексте русской художественной культуры конца XIX — начала XX века. Представлены новые данные, указывающие на высокое качество и значимость изделий Соломенских мастерских, что ставит их в один ряд с такими центрами, как Абрамцево и Талашкино. Особое внимание уделено анализу косвенных свидетельств — отчетов Склада кустарных изделий конца XIX века, подтверждающих спрос на продукцию мастерских. В статье также актуализированы фигуры М. Ф. Якунчиковой и Н. Я. Давыдовой как ключевых деятелей в развитии народного ремесленного искусства и реорганизации творческих практик своего времени.

Ключевые слова:

кустарные промыслы,
Соломенские мастерские, Абрамцево,
М. Ф. Якунчикова, Н. Я. Давыдова, Е. Д. Поленова.

Несомненно, что русское народное творчество умирает, почти умерло. Струя новой жизни сметает его, и только кое-где, в глуши, тлеют его последние, гаснущие искры <...> надо явиться к ним на помощь, вырвать из их рук пошлые рукодельные приложения к разным «Нивам» <...> и дать им их же деревенские старые образцы и дальнейшую художественную разработку их, втолковав им, что это-то и красиво <...> Необходима возможно широкая пропаганда народного узора во всех художественных органах <...> чтобы и глухая провинция с удивлением увидела, что все брошенное старое, оказывается не смешно, а прекрасно.

И. Я. Билибин. «Народное творчество русского Севера» (1904) [3, с. 303–304; 318].

Художественные ремесла безусловно относятся к числу признаков традиционного уклада жизни дореволюционной России. Невысокие доходы от сельского хозяйства заставляли крестьян искать альтернативные источники прибыли, особенно зимой, когда даже те, кто полностью посвящал себя полевым работам, занимались кустарным промыслом. Помимо временного (сезонного), служившего подспорьем, такой род деятельности нередко имел самостоятельное значение для посадского и слободского люда, занятого исключительно мелкоремесленным трудом. Так или иначе, некоторые деревни, посады, слободы на протяжении столетий развивавшие художественные ремесла, сумели создать себе имя, которое превратилось в настоящий «бренд» — как Сергиев Посад, Гжель, Хохлома, Городец, Павловский Посад и т. д. Кустари не только пользовались всеми преимуществами своей репутации, но и обладали устойчивыми традициями обучения, необходимым навыкам, что дополнительно способствовало их процветанию [25].

Взросшая после отмены крепостного права, а затем и столыпинских реформ промысловая активность неизбежно привлекла внимание правительства и общественности к кустарям. В 1872 году под эгидой

Министерства финансов и Совета по торговле и мануфактурам была создана специальная Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России. В ее состав вошли представители различных департаментов, занимающихся аграрным сектором, а также члены научных обществ [33]. Основными направлениями деятельности Комиссии было ведение статистики, организация выставок кустарных изделий различного масштаба, создание образовательных учреждений специального назначения, а также открытие кустарных складов и музеев. Под покровительством комиссии в 1888 году был создан Кустарный музей в Соляном городке, несколько ранее открылись первые земские музеи, в которых значимое место было уделено теме кустарничества, также возникали специализированные частные музеи (семьи Мамонтовых, княгини М. К. Тенишевой и др.).

В девятнадцативековой традиции фактически не делалось различий между кустарным производством и крестьянскими ремеслами. К примеру, в энциклопедическом изданиях Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона можно найти такое определение кустарного производства: «Мелкая семейная организация продуктов на сбыт, свойственная крестьянскому населению России, в качестве подспорного при земледелии промысла» [34, с. 121]. Но уже к началу XX века вопрос кустарной промышленности стал предметом оживленных дискуссий, где мнения исследователей разделились.

В обществе и научных кругах существовали две крайние точки зрения на кустарную промышленность в контексте крестьянской экономики: одни восхищались ею, подчеркивая предприимчивость и умение кустарей производить необходимые товары недорого и эффективно для себя и потребителей. Авторы, придерживавшиеся этой позиции (С. Н. Булгаков, В. П. Воронцов, П. Б. Струве), считали, что кустарная промышленность может сосуществовать с крупным производством и адаптироваться к разнообразным экономическим условиям при поддержке государства. Критики такого подхода полагали, что кустарное производство не способно конкурировать с фабричным и не должно препятствовать развитию более продуктивных экономических форм [24], и предсказывали (включая В. И. Ленина, А. В. Погожева, М. М. Туган-Барановского), что в ближайшем будущем кустарное производство будет полностью вытеснено заводами. Однако и те и другие подчеркивали связь между кустарным производством и особенностями жизни и мировоззрения русского крестьянства [15], равным образом

исходя из социально-экономической парадигмы и мало интересуясь художественной стороной вопроса. На практике эти аспекты были взаимосвязаны.

Понимая сложность конкуренции кустарей и зарождающейся фабричной индустрии, многие земства, среди которых можно назвать Нижегородское как один из показательных примеров, активно вкладывались в развитие кустарных музеев. В частности, после Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 года, проведенной в Нижнем Новгороде, был открыт торгово-промышленный склад-музей кустарных товаров под эгидой Нижегородского губернского земства. Отличительной чертой данного учреждения было то, что организаторы здесь не только принимали экспонаты для выставок, но продавали кустарные изделия и брали заказы, выступая посредниками между кустарями и покупателями. Помимо продажи товаров и приема заказов, склад-музей также выполнял роль посредника в снабжении кустарей необходимыми сырьевыми материалами [7, с. 20–21]. Похожей стратегии придерживались и многие другие региональные кустарные музеи конца XIX века.

Смешение функций выставки и продажи в рамках музея обусловлено тем, что в конце XIX века проблема реализации была одной из ключевых для ремесленников. Александра Погосская (Погоская) [11], активно поддерживающая кустарные промыслы, выражала опасения по поводу проблемы сбыта в своем тексте «О сбыте русских кустарных изделий за границей» [26], созданном на основе доклада, прочитанного ею 14 апреля 1898 года в Императорском экономическом обществе. Погосская полагала, что расширение рынка сбыта для кустарных изделий крайне важно и сетовала, что существующие склады в Москве и некоторых других регионах могут реализовывать продукцию лишь небольшой части мастеров. Большинство же кустарей сталкиваются с трудностями при продаже своих товаров, и из-за отсутствия доступа к широким рынкам многие из них вынуждены уступать свою продукцию посредникам, которые скупают изделия по заниженным ценам. Такая ситуация приводит к снижению качества, так как скупщики ориентируются на

невежественный спрос публики, которая требует дешевизны и не желает и не может вникнуть ни в прочность ручного производства, сравнительно с машинным, ни в красоту ручной ткани, ручной вышивки, ручного кружева, резьбы и т. д. [26, с. 1].

Для решения этой проблемы необходимо создать больше рынков сбыта и пространств для продажи кустарных изделий, а также повысить осведомленность потребителей о ценности и качестве ручной работы. Вероятно, именно желание поддержать кустарей, дать им возможность сбывать товар, минуя алчных скупщиков, и побудило Александру Погосскую открыть магазин русских товаров сначала в Нью-Йорке, а затем в Лондоне.

Опасения, изложенные в тексте Погосской, разделяли и другие общественные деятели: как из аристократов (императрица Мария Федоровна, княгиня М. К. Тенишева и др.), так и купеческого сословия (Мамонтовы, Морозовы, Чоколовы, Якунчиковы и др.). Кустарные промыслы составляли важную часть крестьянской экономики и включали в себя производство и практичных предметов, как сапоги и гвозди, и неутилитарных — произведений народного искусства и традиционных женских ремесел, таких как кружевоплетение и ткачество. Однако под давлением стремительной индустриализации и вызванной ею миграции в города, а также из-за преобладания на рынке сбыта дешевых фабричных товаров, кустарные промыслы, и в первую очередь художественные, оказались под серьезной угрозой угасания и полного исчезновения. Общественные деятели и меценаты стали открывать мастерские, стремясь возродить и сохранить традиционные художественные ремесла.

Риск утраты вышивальной традиции вызывал беспокойство и у авторов сборника «Кустарная промышленность России. Женские промыслы» 1913 года, где среди прочего отмечалось:

...вышивка, как главное украшение русского национального наряда и обихода, постепенно исчезает из жизни народа, утрачивающего свои прежние вкусы, нравы и обычаи, и лишь в немногих местностях России, благодаря содействию Правительства, земств, кружков трудовой помощи, и рукодельным школам, организованным по частной инициативе, она сохраняется еще на предметах промысла [2, с. 381].

Примечательно, что вопрос поднимался чаще всего именно в связи с теми промыслами, изделия которых создавались женщинами. Женские ремесла, связанные не только с задачами сохранения традиции в индустриальном обществе, но и с проблемами интеграции женщин в социальное и культурное пространство, являются особым направлением кустарного дела, к тому же весьма хрупким по своей материальной

природе. Аспекты художественно-промысловой деятельности крестьянок (вышивальщиц, кружевниц) в период социальных трансформаций конца XIX — начала XX века, остаются малоизученными, даже в отношении такого знакового явления эпохи, как Абрамцево. Деятельность его столярной и керамических мастерских является предметом многих исследований, однако женское направление промыслов остается маргинальным, уже по краткости существования в границах усадьбы. В 1885 году помимо столярной мастерской в Абрамцево была открыта мастерская женских рукоделий. Наталья Васильевна Поленова вспоминала:

Работать обучают девочек-школьниц по старинным русским образцам, в изобилии собранным по деревням и в смежной Владимирской губернии. Кроме того, раздают работу на дом. Шьют скатерти из самодельного бабьего холста, фартуки из пестряди и набойки, пробуют вышивать полотенца старинным швом и т. п. Под влиянием Елизаветы Григорьевны окрестные бабы опять принимаются за ткань холстов и пестряди, за плетение кушаков и всякое иное бабье производство, заброшенное под давлением фабрик [27, с. 43].

Мастерская женских рукоделий просуществовала в Абрамцево менее года и была закрыта по незадокументированным причинам (вероятно, не удалось найти художественного руководителя). Можно предположить, что частая гостя усадьбы Мария Федоровна Якунчикова, урожденная Мамонтова, решила самостоятельно продолжить и развить женское ремесленное направление в своей деятельности опираясь в том числе и на близкий ей абрамцевский опыт. (Ил. 1.)

Мастерские в селе Соломенка Тамбовской губернии, как и родственная им школа-мастерская Чоколовых в селе Горожанка Вороженской губернии, обделены исследовательским вниманием. Между тем их практика представляется весьма репрезентативной в общей истории поворотного для творческих стратегий времени. В настоящей статье преимущественное внимание уделено Соломенским мастерским, осуществлявшим свою деятельность под покровительством Марии Федоровны Якунчиковой. В наши дни эти мастерские практически забыты, несмотря на длительный период существования (с 1891 по 1917 год под покровительством

1. М. Ф. Якунчикова (сидит) и В. С. Мамонтова. Без даты Любительская фотография 23 × 17,4 Музей-заповедник «Абрамцево»

2. Слева направо: Н. Я. Давыдова, Е. Г. Мамонтова, В. С. Мамонтова 1895 Любительская фотография 16,5 × 12,8. Музей-заповедник «Абрамцево»

Якунчиковой) и сотрудничество с Еленой Дмитриевной Поленовой. Соломенские мастерские лишь упоминаются [14; 30] либо общо характеризуются [35] в небольшом числе тематических работ, а также в специальных изданиях про Абрамцево и семью Мамонтовых. И нередко тон высказываний — снисходительный. Так, Евгений Арензон называет мастерские Якунчиковой «более скромными по масштабу и известности» [1, с. 143]. Скучный объем научной литературы о Соломенских мастерских, их редкое упоминание в работах по искусству рубежа XIX–XX веков добавили еще одну задачу для настоящей статьи — показать потенциал исследования Соломенских мастерских и поставить под сомнение суждения Арензона и прочие безоглядные высказывания.

Соломенские мастерские не имеют возвышенного статуса Абрамцева и Талашкина и до сих пор не нашли достойного места не только в широкой картине истории художественной жизни, в аспекте «стиль

жизни — стиль искусства», но и в более узко специфицированных исследованиях меценатской деятельности по поддержке промыслов конца XIX века. Вероятной причиной игнорирования мастерских искусствоведческим научным сообществом стоит полагать неопределенность их статуса. Они воспринимаются как сугубо кустарническое явление в рамках проблематики социально-экономических отношений, выходящее за территорию «собственно искусства». Дополнительным «принижющим» обстоятельством можно считать тот факт, что труженицами мастерских были простые малограмотные крестьянки. Единственный конвенционально высокохудожественный след — разработка эскизов вышивки для «соломенских баб» Еленой Поленовой, которая писала об одном из исполненных рисунков:

Сюжетом я выбрала сказочную «Жар-Птицу», стерегущую заповедные яблоки. Я изображаю темную ночь, наверху тучи, между ними виден месяц, звезды, в середине дерево с золотыми плодами; на нем, на верхушке, дремлет огненная птица; вокруг дерева свиваются и переплетаются сказочные цветы и травы. Внизу между корнями дерева, притаились зайчата, еще ниже — болотные травы, камыши и водоросли, — все сильно стилизовано <...> Эскиз этот был вышит крестьянками и выставлен на Нижегородской выставке [32, с. 56–57]. (Ил. 3.)

Другим творческим лицом Соломенских мастерских можно назвать Наталью Яковлевну Давыдову, причастную к абрамцевскому кругу выпускницу Московского училища живописи, ваяния и зодчества, практически неизвестную большинству исследователей по тем же причинам, по которым неизвестны и сами Соломенские мастерские. (Ил. 2.) Наталья Давыдова остается одной из самых загадочных и недооцененных фигур, у которой, как и у покровительствующей ей М. Ф. Якунчиковой (ее часто путают с Марией Васильевной Якунчиковой-Вебер), есть однофамилица-современница: Софья Александровна Давыдова, активно участвовавшая в деле становления женского профессионального образования и увлекавшаяся кружевоплетением. Труды последней, такие как «Записка о женских работах...», в которой Софья Давыдова отмечает значимость частного покровительства для поддержки женских кустарных промыслов, содержат упоминания инициатив Мамонтовой и Якунчиковой [5, с. 68–69].

3. Елена Поленова. *Жар-птица*
1897–1898
Бумага, гуашь. 105 × 106
Государственная Третьяковская галерея

4. Наталья Давыдова
Эскиз креста. 1890-е
Бумага, карандаш, тушь
(кисть, перо). 55 × 30,5
Музей-заповедник
«Абрамцево»

Интерес к Наталье Давыдовой может быть инспирирован уже тем малоизвестным фактом, что она занималась художественной стороной Абрамцевской столярной мастерской после 1893 года, когда Елена Поленова отошла от дел. Более того, с осени 1908 года Давыдова и Якунчиков фактически взяли на себя управление производством и магазином в связи с пошатнувшимся здоровьем Е. Г. Мамонтовой [27, с. 72–74], и занимались делами столярной мастерской, от разработки эскизов до надзора за производством и реализацией изделий, вместе с А. С. Мамонтовой вплоть до 1918 года [14, с. 329]. (Ил. 4.)

В попытке реконструкции и переоценки значения Соломенских мастерских весомым подспорьем служат немногочисленные, но вполне информативные сохранившиеся источники, способные отчасти компенсировать слабую изученность их истории. Здесь стоит выделить материалы, связанные с российскими [4; 29] (ил. 5) и зарубежными

5. Вышивки по льняному батисту
и по кисее и кружева кустарного
пункта в с. Соломенка Моршанского
уезда Тамбовской губ., учрежденного
М. Ф. Якунчиковой
Ил. из кн.: [29, л. XLIX]

выставками рубежа XIX–XX веков [10; 16], в которых участвовали изделия соломенских кустарей, а также содержательную заметку про деятельность вышивальной мастерской в сборнике Тамбовской губернии за 1903 год [31] и пусть скромную, но изданную в столице специальную брошюру об инициативах Якунчиковой [12].

Весьма значимым источником можно назвать ряд книг отчетов «...о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны» [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. Через этот склад частично продавалась продукция как Соломенских, так и Абрамцевских мастерских. Изначально его функция была иной. С 1891 года по инициативе московской общественности и под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны через склад

собирались средства и предметы первой необходимости для жителей голодающих губерний, включая одежду. Однако большая часть нарядов, поступивших от горожан, как не соответствующая укладу жизни и нуждам деревни, была распродана, а вырученные средства направлены пострадавшим от голода. После того как благотворительная акция была завершена, заведующая складом предложила продавать через него ремесленную продукцию [13, с. 180]. Так возник Склад кустарных изделий в Москве, выступавший посредником между изготовителями и закупщиками. В числе поставщиков значились Абрамцевская и Соломенская мастерские. Софья Давыдова, размышляя о проблеме реализации кустарных товаров, указывала, что совместный Склад кустарных изделий как принцип сбыта — самая целесообразная модель [5, с. 78–79].

Впервые предпринятое изучение бухгалтерских отчетов склада кустарных изделий в Москве за 1892–1900 годы с целью обнаружения сведений о прибыли, как косвенном, но показательном свидетельстве деятельной активности Абрамцевских и Соломенских мастерских, позволило получить конкретные данные, которые для наглядности были собраны в сопоставительную таблицу.

Отчет Склада кустарных изделий в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию склада за 1894–1900 гг.		
Год	Е. Г. Мамонтова (Абрамцевские мастерские). Всего продано изделий (руб.)	М. Ф. Якунчикова (Соломенские мастерские). Всего продано изделий (руб.)
1892–1894	—	567,61
1894–1895	1764,01	—
1895	1116,65	16,70
1896 (год нижегородской ярмарки)	6258,75	—
1897	3356,40	—
1898 (год сопоставимости доходов Абрамцева и Соломенки)	2424,43	2372,1
1899	1111	988

Сведения отчета нельзя назвать исчерпывающими по той причине, что в определенные годы изделия мастерских сбывались иными способами, в том числе через «Магазин русских изделий» на Петровке, открытый Марией Федоровной 1890 году вместе с Елизаветой Григорьевной Мамонтовой. Тем не менее представленная авторская таблица впервые вполне наглядно демонстрирует, что с 1898 года выручка через склад по продаже кустарных изделий была приблизительно одинаковой у мастерских Абрамцева и Соломенки, что позволяет говорить о сопоставимости этих предприятий, учитывая также совместный параллельный сбыт через магазин на Петровке. В связи с представленными данными утверждение Евгения Арензона о «скромности масштаба» Соломенских мастерских видится существенным уменьшением их роли, оправданным малоизученностью деятельности М. Ф. Якунчиковой.

Не менее важно сказать и о временной дистанции между ними: абрамцевские мастерские существовали с 1880-х годов (Поленова сделала их продукцию «художественной» с 1885-го), в то время как деятельность Якунчиковой в селе Соломенка началась почти на 10 лет позднее, в 1891 году; следовательно, такой быстрый рост продаж продукции последних через склад свидетельствует о большом интересе к изделиям соломенской вышивальной мастерской.

Главными прямыми источниками сведений об истории формирования мастерских в Соломенке служат статьи сборника-календаря Тамбовской губернии за 1903 год [31, с. 16–19] и брошюра санкт-петербургского товарищества «Грамотность» [12]. История промысла вкратце такова. В конце ноября 1891 года в Моршанском уезде вследствие неурожая возникла продовольственная нужда. В это время из Москвы в село Громок прибыла Якунчикова, племянница местной землевладелицы М. И. Олив, и решила не только благотворительно, но и деятельно помочь крестьянам [31, с. 16]. Поскольку помимо нехватки продовольствия возникла необходимость в теплых вещах, Якунчикова закупила большое количество материалов для пошива одежды с целью распространения среди нуждающихся. Частично они пошли в индивидуальное пользование, а часть была отдана в коммерческий пошив, чтобы предоставить работу местным жителям. Узнав об этих мероприятиях, в село Громок прибыли женщины из соседней Соломенской волости, в частности из села Соломенки, и предложили Марии Федоровне приобрести у них старинные обшивки от женских рубашек. (Ил. 6.)

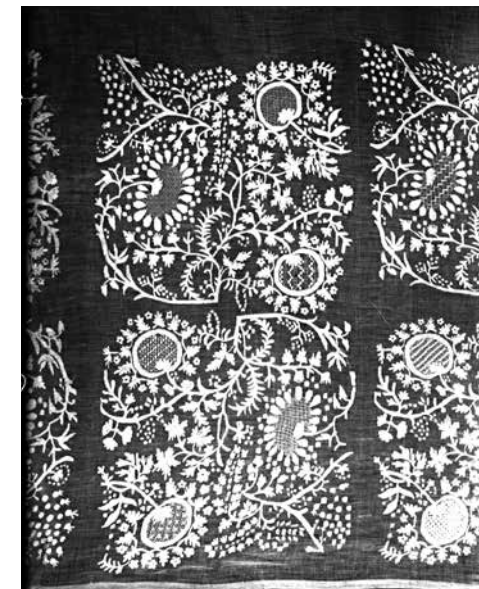
«Женское население села издавна занималось вышивками, высокое достоинство которых обратило на себя внимание Марии Федоровны Якунчиковой» [12, с. 3]. Эти обшивки, исполненные разноцветными шелковыми нитками, несмотря на давность изготовления, износ и многократное стирание, сохраняли яркость цветов и мягкий блеск, и поразили Якунчикову своей красотой [31, с. 17]. Детальное изучение техники вышивания, комбинации цветов и оттенков открыли Марии Федоровне, что в Соломенке живут носители исконной традиции вышивального искусства. Желая помочь местным обеспечить себя в голодные и неурожайные годы, она решила поддержать их делом — основать в селе мастерскую, и поручила местным бабам вышивать старинные узоры на современных предметах роскоши, таких как гардины, подушки, ламбрекены и т. п.

Тщательное изучение узоров, техник вышивания, а также цветовых сочетаний в этих произведениях вдохновило Якунчикову на идею адаптации традиционных приемов к современным потребностям. С этого момента началось систематическое руководство работами женщин из Соломенки. На первом этапе мастерицы воспроизводили изделия по старинным образцам, расшивая оконные занавеси, скатерти, подушки и другие предметы домашнего обихода, которые быстро находили покупателей в Москве [12, с. 3]. (Ил. 7) В дальнейшем, учитывая вкусы современных покупателей и стремясь повысить художественную ценность изделий, Мария Федоровна инициировала создание новых рисунков и подбор новых материалов. Местные шерстяные ткани, сукна и холсты стали окрашиваться в разнообразные оттенки, что значительно расширило ассортимент продукции. Особое внимание уделялось работе пожилых женщин («старух»), создававших уникальные тесьмы и декоративные элементы [12, с. 3–4]. Промысел требовал большого количества ткани для вышивок по различным основам, включая холст и сукно (тонкое и толстое), которые мастерицы ткали на месте. Таким образом, Якунчикова в Соломенке инициировала развитие не только вышивального ремесла, но и ткацкого дела.

В начале 1890-х изделия пользовались устойчивым спросом в Москве и Петербурге, однако в условиях быстро меняющейся моды, по свидетельству автора календаря, традиционные вышивки быстро «отжидали свое время» [31, с. 17]. Необходимо было искать новые подходы к созданию рисунков, соответствующих современным вкусам покупателей, что сподвигло Марию Федоровну к поиску помощницы с хорошим

6. Начальник коврового цеха артели им. Н. К. Крупской (с. Соломинка, Соседский р-н, Пензенская область) Теплова М. М. в поневе и рубахе, сделанных в 1890-х гг. Материалы экспедиции в Тамбовскую область (включая территорию бывшей Тамбовской губернии). 1959. Фототека НИИХП. Фотография 6 × 9. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства

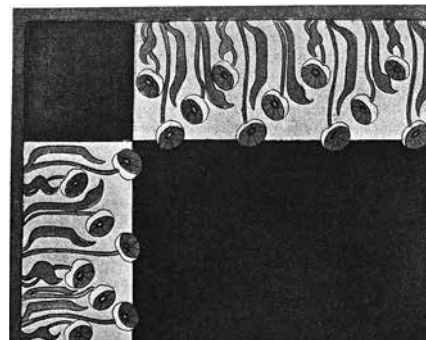
7. Образец вышивки. Маркизет, шелк, гладь с разделками стягами (манера тамбурной вышивки первой половины XIX в.) С. Соломинка, Тамбовская губ., начало XX в. Фототека НИИХП. Негатив. 1930–1950-е. 17,5 × 23,5. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства

вкусом, знаниями орнамента и художественными навыками. Выбор пал на Наталью Яковлевну Давыдову. (Ил. 8–9.) Работы Соломенских мастериц, выполненные под руководством и по эскизам художницы, вызвали восторг и обычных зрителей, и специалистов, и жюри конкурсов. Так, на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде 1896 года Соломенское производство было награждено дипломом II степени. На Всемирной выставке в Париже 1900 года мастерские были удостоены золотой медали, ее же получили на Промышленной выставке в Париже в 1904 году

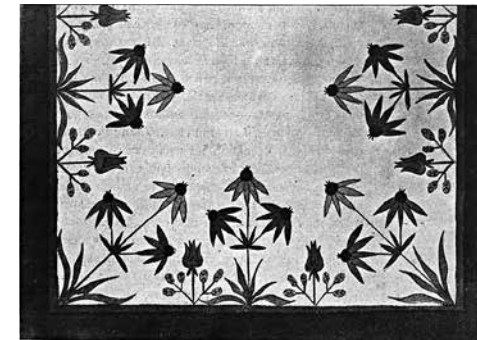
[12, с. 6]. На Всероссийской кустарной выставке в Санкт-Петербурге в 1902-м заслужили Почетный диплом [31, с. 18].

Автор сборника-календаря, скрывающийся за инициалами Н. Х., специально отмечал, что инициированное и развитое Марией Федоровной Якунчиковой производство в селе Соломенка не только приносило владелице удовлетворение и материальную выгоду, но также предоставляло женщинам возможность заработка, не отвлекая их от семейных обязанностей и работы в поле. Аналогичный сюжет «неотхожего» труда затрагивает и К. Г. Беренс в статье «Вышивальный промысел в России» [2, с. 384]. Такое внимание современников к социальному аспекту свидетельствует о том, что в женских промыслах видели не только способ обновления художественной традиции, но и инструмент умеренной либерализации патриархального жизненного уклада. В то время как женское отходничество подрывало традиционные представления о семье, «неотхожий» промысел позволял примирить консервативные и новационные социальные процессы. Таким образом, с кустарными промыслами можно связать начало процесса «раскрепощения» женщины, присвоенное впоследствии советской властью. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения может служить безусловное лидерство в создании специализированных женских мастерских, продвижении их продукции, обновлении ассортимента и развитии предприятий русских меценаток. Примечательно, что многие из них выдвинулись из мамонтовского круга, как М. Ф. Якунчикова и Н. Я. Давыдова.

Мария Федоровна, вдохновленная успехами соломенских вышивальщиц, затеяла расширение производства. В конце 1908 года Якунчикова начала организацию новой кустарной мастерской в Соломенке — ковровой. Кустари Соломенки, Моршанского уезда уже изготавливали ковры и дорожки, однако их качество, тем более — художественный уровень, были столь невысоки, что продукция не пользовалась популярностью даже на местных рынках. Существенное значение для реновации промысла имел творческий опыт Натальи Давыдовой, еще в 1890-х годах создававшей эскизы для ковров в стилистике модерна. (Ил. 10–11.) В 1912 году реорганизованная мастерская освоила выпуск паласных ковров [6]. В мемуарной литературе упоминается, что ковры продавались в Москве и Петербурге, где пользовались высоким спросом [14, с. 230], отчасти судить о них можно по фотографиям со Второй кустарной промышленной выставки 1913 года. (Ил. 12.)

8. Наталья Давыдова. Мотив для скатерти. Ил. из журнала: Мир искусства. 1899. Т. 1. № 1–12. С. 82

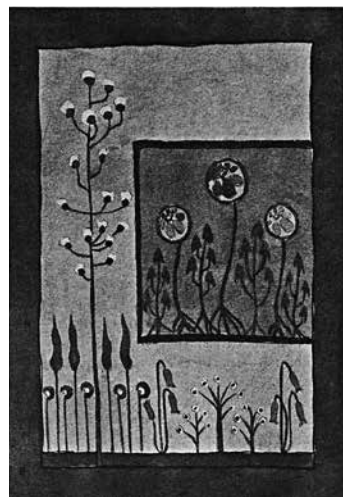
9. Наталья Давыдова. Рисунок для скатерти. Ил. из журнала: Мир искусства. 1899. Т. 1. № 1–12. С. 80

Первая мировая война отвлекла внимание от развития кустарных промыслов. В то время как Абрамцевская мастерская, подобно многим другим кустарным предприятиям, перешла на производство товаров для нужд армии и лазаретов [14, с. 236], мастерские по вышивке и изготовлению ковров в Соломенке совсем прекратили свою работу. Революционные потрясения 1917 года, Гражданская война привнесли радикальные изменения в образ жизни населения России. Кустарные мастерские как частная собственность были национализированы, переформатированы под новые нужды, история попечительства и покровительства Мамонтовых и Якунчиковой была завершена. Однако история самого кустарного промысла на этом не закончилась. В 1929 году соломенские мастерицы, опираясь на обретенные навыки коллективного художественно-ремесленного труда, создали рабочую артель имени Крупской для пошива белья. К 1937 году они начали изготавливать ворсовые ковры, используя дагестанскую технологию. Со временем в нескольких населенных пунктах Башмаковского района открылись филиалы ковровой фабрики, успешно действовавшие в годы советской власти. Производство было полностью ликвидировано лишь в 2004 году [6].

Таким образом, заданный Якунчиковой импульс к кустарному делу породил длительную производственную активность нескольких поколений местных мастериц, которые смогли адаптировать исконные

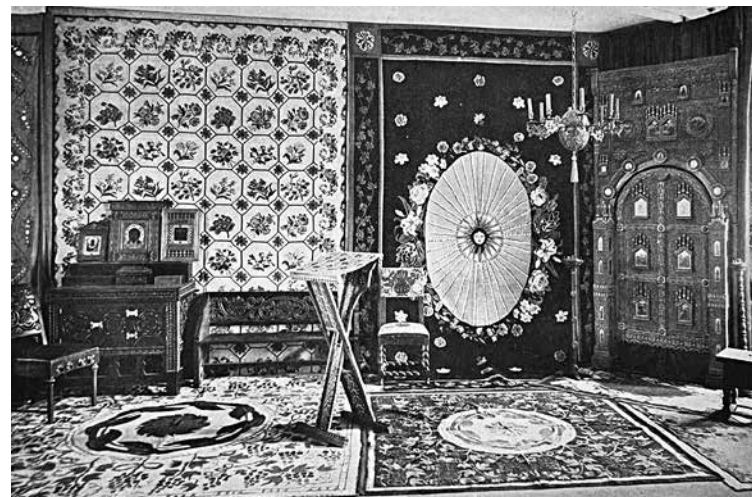
10. Наталья Давыдова. Мотив для ковра. Ил. из журнала: Мир искусства. 1899. Т. 1. №1–12. С. 78

11. Наталья Давыдова. Рисунок для ковра. Ил. из журнала: Мир искусства. 1899. Т. 1. №1–12. С. 81

традиции к меняющимся социально-экономическим условиям и сохранить специфику коллективной творческой деятельности.

В задачи Якунчиковой неоспоримо входила цель показать городским жителям (и покупателям кустарной продукции), что произведенные крестьянами вышивки, имея свою специфику, обладают как утилитарной, так и эстетической ценностью и могут быть вполне конкурентоспособными на рынке новой экономической формации. И хотя в наши дни Соломенские мастерские в основном упоминаются в изданиях мемуарного и политэкономического характера, в социально-исторических исследованиях о меценатстве и поддержке крестьян, это явление необходимо ввести в научный оборот искусствознания и рассматривать как значимую компоненту художественной жизни России. Именно так их воспринимали современники: вышивки мастериц с успехом экспонировались не только на промышленных и ремесленных выставках, но и журнала «Мир искусства» в 1899 и 1900 годах, вместе с изделиями Абрамцевских мастерских [8, с. 28; 9, с. 8].

12. Деревянные изделия Абрамцевской учебно-показательной мастерской М. Ф. Якунчиковой в с. Абрамцево Дмитровского уезда, Московская губ. Ковры мастерской М. Ф. Якунчиковой, в с. Соломенка Моршанского уезда, Тамбовской губ. Ил. из кн.: [29, л. XXXII]

Из-за хрупкости материала, проблем хранения, документального сопровождения и атрибуции вышивку Соломенских мастерских весьма затруднительно выявлять в музеях, экспонировать с развернутым провенансом и вводить в научный оборот. Тем не менее некоторые сохранившиеся подписные фотографии позволяют судить о высоком уровне мастерства и изысканности узоров, а также о разнообразии визуального языка соломенских вышивальщиц, создающих как изделия, близкие к народным образцам (на фотографиях со второй всероссийской выставке в Петрограде в 1913), так и в орнаментальной стилистике модерна (эскизы Натальи Давыдовой из журналов «Мир искусства»). Продукция мастерской была отмечена золотой медалью на Всемирной выставке 1900 года в Париже [28, с. 105], получала хвалебные отзывы в зарубежной прессе (*Revue Encyclopédique*, *Die Kunst* [12, с. 70, 163]), в статьях круга мирискусников. Сергей Дягилев в своих редакторских заметках о русском павильоне в Париже отмечал большой интерес публики к вышивкам Давыдовой, а также продуктивное сближение

в ее работах национальной традиции и современных задач декоративного искусства [12, с. 70, 163].

Приведенные в статье сведения позволяют считать Соломенские мастерские значимым художественным явлением. Их изделия выставлялись на ведущих экспозиционных площадках, поощрялись и премировались, отмечались в периодике своей эпохи, им уделяли внимание популярные иллюстрированные художественные издания. Значимую художественную составляющую изделий мастерских свидетельствуют: напрямую — сохранившиеся фотографии, рисунки к вышивкам и коврам Н. Я. Давыдовой, и косвенно — высокий спрос на продукцию, реализуемую через те же каналы сбыта, что и изделия Абрамцевских мастерских. Предпринятый в рамках данного исследования анализ источников такого косвенного, но весьма значимого свидетельства, как отчеты Склада кустарных изделий конца XIX века, позволил сделать выводы о том, что Соломенские кустарные мастерские были вполне сопоставимым с Абрамцево явлением, тем самым — критически пересмотреть утверждение Евгения Арензона о «скромности масштаба» Соломенки.

Обнаруженные свидетельства признания изделий соломенских вышивальщиц на российском и международном уровне не только подтверждают их высокое качество, но и отражают реальное место мастерских в художественной жизни богатой высокими достижениями эпохи. Кроме того, предпринятое исследование позволило актуализировать фигуры М. Ф. Якунчиковой и Н. Я. Давыдовой как ревнителей народного ремесленного искусства и значимых агентов реорганизации творческих практик, и шире — социокультурной жизни России конца XIX — начала XX века. Таким образом, с учетом новых данных, впервые представленных в настоящей статье, становятся очевидными значимость и самобытность Соломенской вышивальной мастерской, что открывает пространство для дальнейших исследований деятельности кустарного промысла.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арензон Е. Р. Савва Мамонтов: искусство и железные дороги. М.: Бизнеском, 2011.
2. Беренс К. Г. Вышивальный промысел в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. ГУЗ и З. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. Очерки С. А. Давыдовой, Е. Н. Половцевой, К. Г. Беренс и Е. О. Свидаерской. СПб.: Типо-лит. «Якорь», 1913. С. 382–425.
3. Билибин И. Я. Народное творчество русского Севера // Мир искусства. 1904. Т. 12. С. 266–318.
4. Всероссийская кустарно-промышленная выставка (1902; Петербург). Указатель Всероссийской кустарно-промышленной выставки... 1902 г. СПб.: Тип. «В. С. Балашев и Ко», 1902.
5. Давыдова С. А. Записка о женских работах в Воронежской и Нижегородских губерниях. 1892–1893 г. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894.
6. Из истории населенных пунктов Пензенской области // Вестник архивиста. URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/787-n.html> (дата обращения: 25.03.2024).
7. Карташова М. В. Кустарные музеи Российской империи в конце XIX — начале XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 18–26.
8. Каталог выставки картин журнала «Мир искусства». СПб.: Тип. И. Ф. Вайсберга, 1899.
9. Каталог выставки картин журнала «Мир искусства». СПб.: Тип. И. Ф. Вайсберга, 1900.
10. Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. СПб.: Тип. Исидора Гольдберг, 1900.
11. Куликов В. В. Александра Погосская — апостол русской кустарной промышленности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 3 (33). С. 28–33.
12. Кустарные промыслы. Учебно-ковровая мастерская М. Ф. Якунчиковой в селе Соломенке Тамбов. губ., Моршанск. уезда. Столярная мастерская М. Ф. Якунчиковой в селе Абрамцево, Моск. губ., Дмитров. уезда. СПб.: Тип. «Грамотность», 1913.
13. Мир искусства. 1900. Т. 4. № 13–24.
14. Некрасов М. А. Мария Федоровна Якунчикова. Жизнь и деятельность. М.: АИРО-XXI, 2019.

15. Новиков Е. А. К вопросу об историографии кустарной промышленности в России // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 56–58.

16. Отчет... Главного комитета по устройству Отдела кустарных изделий и рукоделий России на Всемирной выставке 1900 года в Париже о деятельности его в период времени с 8 января 1899 года по 12 марта 1901 года. М., ценз. 1901.

17. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны за 1895 год. М.: Тип. об-ва распространения полезных книг, 1896.

18. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны за 1896 год. М.: Тип. об-ва распространения полезных книг, 1897.

19. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны за 1897 год. М.: Тип. об-ва распространения полезных книг, 1898.

20. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны за 1898 год. М.: Тип. об-ва распространения полезных книг, 1899.

21. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны за 1899 год. М.: Тип. О. Л. Сомовой, 1900.

22. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны за 1899 год. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1894.

23. Отчет о приходе и расходе денежных сумм по продаже кустарных изделий и по содержанию Склада в Москве Общества распространения и улучшения кустарных изделий, состоящего под покровительством ее императорского величества Елизаветы Федоровны с 1 января 1894 года по 1 января 1895 года. М.: Тип. об-ва распространения полезных книг, 1895.

24. Петров Е. П. Промысловая кооперация и кустарь. Ч. 1–2; Сов. Всерос. кооп. съездов. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1917.

25. Пикеринг Антонова К. Региональная парадигма экономического развития в России XIX века // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение / Под ред. Е. Болтуновой и В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 52–77.

26. Погоская А. Л. О сбыте русских кустарных изделий за границей. СПб.: Тип. В. Демакова, 1898.

27. Поленова Н. В. Абрамцево. Воспоминания. М.: Форгрейфер, 2013.

28. Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Ч. 2. СПб.: И. Шустов, 1900.

29. Русское народное искусство на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 г. Петроград: [б. и.], 1914.

30. Савенкова М. М. Частные инициативы в организации рукодельных школ на территории Воронежской губернии в конце XIX — начале XX века // Современное педагогическое образование. 2018. № 6. С. 67–70.

31. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов: Тамбовский губернский статистический комитет, 1903.

32. Сомов А. И. Елена Дмитриевна Поленова. 1850 † 1898 [Очерк жизни и творчества]. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, ценз. 1902.

33. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Том 1. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1879.

34. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон 1890 г. Т. 33. М.: Терра, 1991.

35. Salmond W. The Solomenko Embroidery Workshops // The Journal of Decorative and Propaganda Arts. 1987, Vol. 5: Russian/Soviet Theme Issue. Pp. 126–143.